

«Миссия Комацубары» Из истории советско-японско-китайских отношений в начале 1930-х годов.

© 2012

В. Дацышен

Статья посвящена очень важному, но малоизвестному эпизоду из истории международных отношений на Дальнем Востоке — японской «Миссии Комацубары» в Забайкалье в конце 1932 г. Взвешенные и грамотные действия советских представителей в связи с «Миссией Комацубары» явились важным фактором относительной стабильности в системе советско-японско-китайских отношений в этот сложный период.

Ключевые слова: Маньчжурия, Забайкалье, Дальний Восток, международные отношения, Комацубара, Су Бинвэнь, Квантунская армия, беженцы.

Важнейшей составляющей истории международных отношений на Дальнем Востоке накануне Второй Мировой войны было советско-японское противостояние. Особенно сложными отношения с Японией стали после оккупации японскими войсками Северо-Восточного Китая и провозглашения марионеточного государства Маньчжоу-го в 1932 г. Свое важное место среди событий того времени заняла японская «Миссия Комацубары» в Забайкалье в конце 1932 г.

В фондах Государственного архива новейшей истории Иркутской области сохранился документ, в котором, в частности, говорится: «11 ноября прибыли в Даурию на одном самолете начальник Военной миссии в Харбине полковник КОМАЦУБАРА, подполковник ХОСИМОТО, майор ДЗЯДЗЯКИ, Капитан МАЯЗАКИ и три летчика. После приветствия в специальном вагоне из Даурии выехали в Мациевскую... По полученным сведениям, прилет японского самолета на нашу территорию вызвал нервозность в китайских кругах гор. Маньчжурии»¹.

Как известно, так называемый «Инцидент 18 сентября» 1931 г. послужил поводом для захвата Японией Северо-Восточного Китая. Так называемое «Всеманьчжурское совещание» в начале марта 1932 г. провозгласило создание марионеточного государства Маньчжоу-го. Но вскоре значительная часть китайских генералов в регионе, в том числе и из числа первоначально признавших Маньчжоу-го, выступили против японцев. Осенью 1932 г. против Японии выступил и командующий охранными войсками на западной, примыкающей к Забайкалью линии КВЖД генерал Су Бинвэнь. Русский эмигрант И.И. Серебренников записал в своем дневнике: «4 октября. На западной ветви Китайской Восточной ж/д — большие события: восстание китайских войск против Маньчжоу и японцев»².

Советское руководство старательно избегало втягивания в конфликт. В советских газетах несмотря на сочувственные Китаю настроения властей и общественности в те дни практически не печатались материалы явно антияпонского содержания. Первые

Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета. E-mail: dazishen@mail.ru.

информационные сообщения о восстании генерала Су вышли под названием «Китайские войска выступили против маньчжурского правительства»³.

Восстание армии Су Бинвэня привело активизации отношений между СССР и Японией по «маньчжурским вопросам». Одним из первых был поставлен вопрос об эвакуации на советскую территорию японцев из охваченных восстанием районов. Еще до начала восстания, 19 сентября 1932 г. советник посольства Японии в Москве Амо Эйдзи поставил вопрос о возможной эвакуации японцев из Маньчжурии в СССР. Вскоре на занятой силами мятежного генерала Су территории китайские военные арестовали практически всех находящихся там японцев, и японское правительство обратилось к советскому правительству с просьбой о посредничестве в деле освобождения японских подданных. Проблема освобождения пленных японцев дала повод японской стороне поднять вопрос об отправке своей специальной комиссии в Забайкалье для переговоров с восставшими китайцами. Советский полпред в Японии А.А. Трояновский 19 октября 1932 г. докладывал в Москву: «Штаб Квантунской армии предполагает начать наступление. Но это может погубить задержанных японцев, но ничего не поделаешь. Переговоры с восставшими затруднены тем, что никто не хочет посылать своих представителей на территорию противника. Если переговоры начнутся, то лучше их вести на нейтральной территории. Он спрашивал, допустим ли мы представителям маньчжурского государства на Мациевскую для переговоров с восставшими...»⁴.

Советская сторона помогла Японии в решении проблемы освобождения своих подданных без привлечения специальной японской комиссии в Забайкалье. Советское правительство поручило консулу на станции Маньчжурия В.В. Смирнову вступить в переговоры с Су Бинвэнем по вопросу об эвакуации японцев на советскую территорию. Переговоры были успешными, японские резиденты были эвакуированы в Забайкалье, на железнодорожную станцию Мациевская. Советская разведка сообщала: «Помощник начальника Японской Военной миссии Такесита в данном “Харбинском Времени” интервью заявил: “сейчас наоборот наблюдается помощь со стороны СССР японским представителям, озабоченным спасением японских резидентов. Помимо этого вообще СССР оказывает содействие японским представителям и в других вопросах»⁵. 27 октября 1932 г. Амо Эйдзи сообщил Л.М. Карахану, что им получена инструкция японского правительства, в которой выражалась благодарность советскому правительству за помощь в освобождении японских граждан и просьба о «дальнейшей помощи к освобождению японских резидентов из района Маньчжурия»⁶. Для организации эвакуации японцев на родину в Забайкалье прибыли вице-консул из Новосибирска и консульский служащий из Владивостока.

С первых же дней мятежа генерала Су Бинвэня японское руководство надеялось использовать Советский Союз для давления на восставших китайцев с целью принудить их к капитуляции. В телеграмме Л.М. Карахана на имя генконсула в Харбине М.М. Славуцкого от 25 октября 1932 г. говорится: «Араки обратился к Трояновскому с просьбой разрешить посылку на нашу территорию около границы делегатов Маньчжоу-го вместе с несколькими японскими офицерами для встречи и переговоров с представителями Су Бинвэня... Мы сообщили Трояновскому наше согласие на просьбу Араки, а также на полет на аэроплане»⁷. Вскоре, 4 ноября 1932 г., японские СМИ сообщили: «Генконсул СССР Славуцкий посетил н-ка япвоенмиссии Комацубару для согласования поездки делегатов Квантунской армии и Маньчжоу-го на ст. Мациевская, передав согласие на пропуск япсамолета на ст. Даурия»⁸. В секретных документах ОГПУ от 4 ноября 1932 г. говорится: «Согласно указаний Комвойсками Полунова от 2-го Ноября Японские представители прибывают из Цицикара 6-го Ноября на трех пассажирских, трехмоторных самолетах в количестве около 25–30 человек, в связи с этим Нарком Ворошилов разрешил посадку на аэродроме в Даурии, откуда Японские представители должны быть доставлены в Мациевскую. Комдив приступил к оборудованию аэродрома в Даурии. Представителем Военведа при поездке Японских представителей в Мациевскую и обратно, так-же

для присутствия во время переговоров в Мацневской, назначен зам. нач. штаба — Бармашов»⁹.

Необходимо отметить, что генерал Су Бинвэнь не поддерживал идеи переговоров с японцами на советской территории. Например, в советских документах отмечается: «11-го ноября консульство посетил контролер 1 уч-ка КВЖД ЛЮ в качестве доверенного лица генерала Су. От имени последнего Лю сообщил, что в связи с ложными слухами о том, что якобы Су желает вести мирные переговоры с японцами на советской территории, он настоящим это опровергает, так как ни о каких переговорах с японцами не сводился, а наоборот, на их предложение об этом не давал ответа и в дальнейшем не намерен отвечать. По мнению Су, предложение японцев вести переговоры на территории СССР — является с их стороны попыткой ввести в заблуждение общественное мнение Китая и других стран, а также дезориентировать и внести разлад в ряды генералов Ма, Пу, Сюн и Лю. Су, узнав 5/XI из передачи Харбинского радио передачи, что японцы снаряжают комиссию в СССР во главе с Камацубара для переговоров с ним, в тот же день сообщил радиотелеграммой Тяньцзинской газеты опровержение по этому вопросу, заявив, что это явный обман со стороны японцев... По словам Лю, Су-Бин-Вен ни на какие переговоры с японцами не пойдет, несмотря на недостаток оружия, боеприпасов и других предметов, он будет сражаться с японцами до конца. Если ему придется со своими войсками отступить, он отступит, предпочтет быть разоруженным на территории СССР, но на соглашение с японцами не пойдет»¹⁰.

27 октября 1932 г. Амо Эйдзи просил Л.М. Карахана об отправке в район станции Маньчжурия комиссии для переговоров на следующих условиях: «1. Число членов комиссии еще окончательно не установлено, но примерно предполагается отправить 5 офицеров Квантунской армии, 8 представителей Маньчжоу-Го, военного атташе или помощника военного атташе из посольства в Москве и представителя минидела...»¹¹. Согласно официальному сообщению, был утвержден следующий состав делегации в Забайкалье: «1) От штаба Квантунской армии: председатель делегации Комацубара и члены: подполковник К. Хасимото, состоящий при Харбинской военмиссии майор Миязаки, помощник японского атташе в Москве капитан Ямаока, советник военно-административного отдела Маньчжоу-Го капитан К. Окада. Свита: драгоман китаязыка Ф. Эндо, драгоман русского языка Т. Кагаэта, чиновник для поручений при штабе Квантунской армии Ф. Ювами, телеграфисты С. Мидзугучи и М. Сугазава. 2) Представитель японского министра индел — вице-консул в Благовещенске С. Тоихара. 3) От пр-ва Маньчжоу-Го: член ревкомитета КВЖД Шао-лин, начальник оружейного отдела Маньчжоу-Гоского военного министерства Ван Ци-чжун и член свиты делегации от Маньчжоу-Го — Ша Вэн-юн»¹². Советское правительство положительно ответило на эту просьбу. Вскоре советские газеты сообщили: «Чита. На станцию Мацневскую прибыла японо-маньчжурская комиссия под председательством начальника японской военной миссии в Харбине Комацу Бара с целью ведения переговоров с генералом Су-Бик-Венем...»¹³.

Возглавил японскую делегацию в Забайкалье начальник военной миссии в Харбине полковник Комацубара Мититаро (1886–1940). Необходимо заметить, что полковник Комацубара был одним из лучших специалистов по России в японской армии, он имел опыт работы и в Российской империи (помощник военного атташе в 1909–1910 гг.) и в Советском Союзе (военный атташе в 1927–1929 гг.). Вообще Комацубара Мититаро больше известен по событиям 1939 г., когда он в чине генерал-лейтенанта, командуя 23-й пехотной дивизией Квантунской армии, осуществлял общее руководство боевыми действиями японских войск в районе р. Халхин-Гол.

Первая группа «Миссии Комацубары» прилетела на самолете на станцию Даурия 11 ноября и затем по железной дороге переехала на станцию Мацневская. Подробности прибытия в Забайкалье японской делегации были изложены в секретных циркулярах Начальника Полномочного представительства ОГПУ (П.П. ОГПУ) Восточно-Сибирского края от 13 и 16 ноября 1932 г.: «Прилет японцев на Мацневскую. 11 ноября прибыли в Даурию на одном самолете... Прибывшие японцы сообщили, что 12 ноября из Цицикара

прилетит еще один самолет с другими членами делегации. Делегация предлагает держать связь с Цицикаром самолетом. Делегация за подписями «Начальника Японской миссии для спасения страдающих японских резидентов в Барге Полковника Комацубары и пом. япон. атташе Ямаоки, «консулу Смирнову дана следующая телеграмма: “Одиннадцатого приехали Мациевскую, 13-го хочу видеть вас, прошу сообщить время и место свидания срочно”. По полученным сведениям, прилет японского самолета на нашу территорию вызвал нервозность в китайских кругах гор. Маньчжурии»¹⁴; «14 ноября... прибыли в Даурию: член Комиссии — капитан Окадо, начальник отдела Военного министерства Маньчжунго — Ван-Цзи-Сян, чиновник Маньчжунго Ся-Вэнь-Юнь, член Ревкомиссии Правления КВЖД — подданный Маньчжунго Шаолин и три военных японских переводчика — Кагэта, Энда и Ви-Вами. Гости привезли с собой Японский национальный флаг. По пути в Китае самолеты разбрасывали листовки с указанием о роли и задачи Комиссии, приехавшей на Мациевскую. Над нашей территорией самолеты прошли медленно и низко. Над станцией Отпор одним самолетом сделали два круга и станцией Мациевской три круга. В Мациевской Японские резиденты и прибывшие ранее члены Комиссии вышли из вагонов приветствовать самолеты громкими криками, аплодисментами, двое держали в руках нацфлаг. Во время посадки в Даурии в момент выхода летчика из кабины самолета выпало около 50 листовок, содержание которых следующее: “Немедленно осознай. Перемирие есть для защиты интересов мирного населения Маньчжунго, которое заботится о народе и счастье последнего. В данный момент Совправительство по отношению двух государств Японии и Маньчжурии искренне показало дружественные отношения, но не может принять меры в защиту Маньчжунго против повстанцев. Зловредные милитаристы, Чжан-Сюэ-Лян в роскоши и блаженстве в Пейпине чувствуют себя счастливыми, а темные люди слушают его и последуют за ним. Печально за невежество народа... Для переговоров прибыла Комиссия, последняя разрешит все недоразумения, и несомненно, эти переговоры внесут всю ясность. Маньчжунго есть государство для нации Маньчжурии, не верьте провокаторам, распространяющим ложь”. Гости через полчаса были доставлены на дрезине в Мациевскую. Тут же обратились с просьбой предоставить для них еще один вагон, и получили от нашего представителя обещание просьбу удовлетворить. В частном разговоре корреспондента «Востоксправды» с Амаока последний сообщил, что по сути дела в Мациевской находится не одна, а две Комиссии, именно Японии и Маньчжунго. Японцы будут заниматься спасением японских резидентов, что и является их единственной задачей. Комиссия же Маньчжунго займется разрешением всех общих спорных вопросов между Маньчжунго и генералом Су. В этом же разговоре с корреспондентом Амаока сказал, что СССР следовало бы дать почувствовать китайцам, что позиция СССР есть не только нейтралитет, но дружественный по отношению к Японии нейтралитет. Касательно разговора Совконсула Смирнова с Комацубарой о намерении японцев вести переговоры с Су на территории Маньчжурии при наличии гарантии со стороны Су и СССР, как нейтральной страны, Амаока заметил, что, по его мнению, Комиссия даже при отказе СССР в даче такой гарантии все же пойдет на переговоры с генералом Су в городе Маньчжурии, и что в случае отказа китайцев от переговоров последует немедленное общее наступление Японской армии на генерала Су, что им сегодня посланы телеграммы японскому правительству, командующему Квантунской армией Мупиро и копии в Японское посольство в Москве и Министерство иностранных дел с просьбой обратиться к Советскому правительству о даче последним указаний Смирнову по вопросам переговоров. С нашей стороны по линии командования и представителем Полуновым приказало своему порученцу, находящемуся при Японской делегации, — больше самолетов, кроме прибывших, не принимать и также запретили держать самолет для связи с Харбином...»¹⁵.

Члены миссии Комацубары были приняты советским военным командованием приграничного района. Об этом говорится и в циркулярном сообщении ПП ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю под названием «Приглашение Председателя Японской Комиссии Полковника Комацубары с визитом в Даурию». В документе говорится: «Комди-

вом Рокосовским был запрошен представитель нашего командования при японской комиссии Бармашев о самочувствии гостей с просьбой передать Комацубаре, что будет очень рад видеть его у себя 21/XI в 12 часов. Комацубара спросил Бармашева о порядке приема его в Даурии...»¹⁶.

Находясь на нашей территории, японские представители пытались оказывать на советскую сторону давление. 18 ноября 1932 г. глава японской делегации Комацубара в частной беседе с корреспондентом газеты «Восточно-Сибирская правда» заявил: «Я думал, что позиции СССР в вопросе конфликта с генералом Су является дружественной по отношению к японцам, однако, пребывание в СССР в течение недели начинает убеждать меня в обратном, СССР относится дружественно нейтрально не к Японии, а к восставшим, с которыми по сути дела Советский Союз не должен иметь никаких отношений, как с властями непризнанными со стороны СССР. Весьма возможно, что СССР даже помогает Су... Когда я выезжал из Харбина, я был горячим сторонником заключения пакта о ненападении между СССР и Японии, теперь я изменил свое мнение... Наша основная задача предотвратить наступление японской армии, что означало бы занятие японскими войсками станции Маньчжурия и, возможно, рано или поздно столкновение японских войск с советской армией»¹⁷.

Приезд японской делегации в Забайкалье негативно отразился на советско-китайских отношениях. В циркуляре ОГПУ Восточно-Сибирского края от 16 ноября 1932 г., в частности, говорилось: «В день прилета японских самолетов в Даурию, 14 ноября 1932 г., на встрече с советским консулом в городе Маньчжурия В.В. Смирновым представитель генерала Су Бинвэня передал, что китайская сторона выражает недоумение, почему советская сторона без согласования с самим генералом Су дала согласие на проведение японо-китайских переговоров на своей территории»¹⁸. В советских документах отмечалось: «После прилета на станцию Даурия японских аэропланов отмечается охлаждение китайцев по отношению к советским гражданам. Рядовые китайцы, полицейские, коммерсанты характеризуют политику Советского государства как заигрывание с Японией и делают вывод: Приятель нашего врага — наш враг»¹⁹.

В циркулярах ПП ОГПУ Восточно-Сибирского края показан ход событий и позиция сторон по вопросу о японо-китайских переговорах: «14-го ноября консула Смирнова посетил генерал У и контролер Лю, которые по поручению генерала Су сообщили следующее: Генерал Су 6 Ноября получил из Чань-Чуня телеграмму за подписью начальника Штаба Квантунской армии с предложением мирных переговоров на Советской территории. Того же числа Су получил телеграмму от Комацубары с извещением, что последний назначен председателем Комиссии по переговорам. 7 ноября Су получил телеграмму из Харбина от Шаолина и Ван-Цзе-Дуна с предложением в избежание напрасных жертв согласиться на мирные переговоры и ликвидировать восстание, уверяя в соблюдении личных интересов Су и удовлетворении его претензии. На первые две телеграммы Су не ответил. На телеграммы Шаолина и Ван-Цзе-Дуна Су ответил, что выступление против Японии носит характер народного движения и последнее от его личного усмотрения не зависит. 12-го ноября Су получил вторую телеграмму от Шаолина и Ван-Цзе-Дуна из Цицикара с сообщением, что Комиссия Комацубары вылетела в Даурию и рекомендовала Су выслать туда своих представителей... В беседе У отметил, что Су недоумевает, почему СССР разрешил вести переговоры на своей территории, не зная мнение другой стороны. Су просил передать Советскому правительству, что он не давал согласия и не согласен на ведение мирных переговоров с японцами... 14 ноября японский консул по телефону просил Совконсула Смирнова навестить его для личной беседы по вопросам эвакуации. 17 ноября с разрешения китштаба, в присутствии 2-х его представителей. Секретарь советского консульства посетил японское консульство и информировал его о наших переговорах с генералом У...»²⁰.

Советская сторона оказалась в сложной ситуации. Обострение отношений с Китаем не входило в планы Москвы, поэтому была предпринята попытка избавиться от нежелательных гостей в Забайкалье. В записи беседы Л.М. Карахана с японским времен-

ным поверенным в Москве от 17 ноября 1932 г. говорилось: «Амо пришел, чтобы сообщить мне ответ японского правительства... “Японское правительство сожалеет, что генерал Су Бин-вэнь не проявил искренности... Японская комиссия только что прибыла на место благодаря специальной любезности советских властей... Однако сейчас же после того, как члены японской комиссии прибыли на станцию Мациевская, правительство СССР просит японское правительство уточнить срок отзыва комиссии, ввиду того, что они сразу же не начали переговоров с генералом Су Бин-вэнем. Это вызвало неожиданное удивление у японского правительства, учитывая любезное отношение Советского правительства в этом вопросе...”, таким образом, мы имеем лишь тот факт, что японская военная миссия, прилетевшая на аэропланах, находится вблизи нашей границы и без какой-либо понятной и разумной цели продолжает там находиться, и хочет там находиться на неопределенно длительный период времени»²¹. 21 ноября Амо Эйдзи передал в Маньчжурию и Японию текст полученной от Л.М. Карахана ноты с пожеланием «возможно скорейшей эвакуации японской делегации»²². Но из Токио инструктировали своего представителя в Москве вновь просить о сроках продления пребывания миссии Комацубары в Забайкалье.

Говоря о непримиримой позиции Су Бинвэня по отношению к японцам, необходимо отметить, что имели место и попытки его переговоров с Комацубарой. В документах ОГПУ из Иркутска отмечается: «Полковник Комацубара подал начальнику Штаба корпуса следующую телеграмму: «...2) Завтра 28-го ноября два человека Шао-Лин и Ван-Цзы-Цун по вызову горголовой Чао (в действительности вызов Чао согласован с Су-Бен-Венем) выезжает в Хайлар. Им дана следующая директива: 1) Официальное указание о формальном открытии переговоров; 2) О немедленном освобождении всех участвовавших в маньчжурских событиях; 3) Об освобождении участвовавших в маньчжурских событиях военных, а также резидентов. Су-Бен-Веню ставятся следующие условия: а) удовлетворение его претензий в служебном положении, б) офицеры его армий остаются на теперешнем положении, в) невыданное жалование солдатам будет выплачено, г) при остановлении военных действий, чему комиссия содействует, но решать окончательно этого вопроса комиссия затрудняется, д) возмещение всех понесенных резидентами и чиновниками материальных убытков во время событий»²³.

До Хайлара представители полковника Комацубары не доехали. В секретном сообщении ПП ОГПУ ВСК от 3 декабря 1932 г. говорилось: «30 ноября Городской голова Чжао получил телеграмму следующего содержания: (кратко) “Послал Вам три телеграммы и ни на одну не получил ответа. Внезапно для нас через Совконсула телеграммой на имя Камацубара мы узнали о том, что вы интересуетесь причиной нашего предстоящего свидания. Для разрешения поставленного перед нами вопроса мирным путем я лично потратил уже несколько месяцев, вы сами видите при создавшейся обстановке бедствие народа и упадок в их личных делах и болеете за это душой, идя навстречу благополучию народа, я не жалею ничего и еду к Вам в Хайлар. Для нас непонятно то обстоятельство, что предложение Ваше о предстоящем свидании сделано вами было раньше, а теперь совконсул запрашивает о причинах поездки. Ускорение поездки в Хайлар мною базируется на том, что я знаю в недалеком будущем будет сильное наступление. Жалея гибель народа, а также принимая во внимание, в частности, я с генералом Су в самых хороших отношениях, поэтому я стараюсь и хочу добиться последнего успеха в мире. Прошу передать мое мнение генералу Су. Разрешение этого вопроса в благоприятном смысле принесет счастье населению, живущему в районе Маньчжурия-Хайлар, и лично я буду считать себя счастливым. Шао-Лин”. Эта телеграмма была получена утром, и китайцы не предполагали отвечать, считали, что их ответная телеграмма разошлась с этой. После получения известий с фронта о боях у Ижаланьтуна, сегодня днем гор. голова послал Шаолину следующую телеграмму: “Приезжайте встречу вокзалу на станции Маньчжурия”. Шаолин и Ван сегодня вечером прибыли сюда, были встречены комендантом станции и офицером штаба и помещены в гостиницу»²⁴. Однако, как сообщалось в циркулярном письме ПП ОГПУ ВСК о посещении китайским представителем советского

консульства в Маньчжурии: «В беседе Чжао сообщил, что Шаолину и Вану он имеет приказ предложить покинуть Маньчжурию. Причем сказал, что якобы Су сделал ему выговор за его якобы самовольное согласие на приезд делегатов. Шаолин на совет. территорию еще не выехал»²⁵.

Миссия Комацубары оказалась в целом безуспешной, Су Бинвэнь не вступил в переговоры, и 28 ноября 1932 г. японские войска перешли в наступление. 4 декабря генерал Су со своим штабом прибыл на станцию Маньчжурия и, посетив советское консульство, попросил «довести до сведения Советского правительства, что вынужден отступить на советскую территорию, разоружиться добровольно и просит у Советского правительства разрешения всем эвакуироваться через СССР в Китай»²⁶. В документах зафиксировано: «В 21 час 33 минуты 4 декабря Су-Бен-Вен со своим штабом в поезде из 26 вагонов переехал на нашу территорию, предложению вернуться в Маньчжурию — отказался, разоруживаясь»²⁷. Согласно сообщениям советской прессы: «На советскую территорию со станции Маньчжурия прорвался поезд в составе 43 вагонов. Поезд был задержан войсками пограничной охраны. При обыске было установлено, что в нем, в числе других, находится генерал Субинвэнь со всем его штабом... Кроме того, китайские воинские части вывезли с собой со станции Маньчжурия в трех вагонах японских резидентов и китайских служащих Манчжоу-Го... Японские резиденты, а также китайские служащие Манчжоу-Го переведены на ст. Мациевская для дальнейшего следования, по их желанию, в Манчжурию или Японию...»²⁸.

В соответствии с существовавшей международной практикой советская сторона объявила перешедших границу китайцев интернированными. Однако присутствие в этом районе миссии Комацубары осложнило ситуацию. В секретном циркулярном сообщении ОГПУ ВСК от 7 декабря сообщалось: «Приезд японской комиссии на ст. Отпор породил среди интернированных боязнь о том, что между СССР и Японией ведутся переговоры, которые могут окончиться передачей интернированных Японии»²⁹. 8 декабря Амо Эйдзи в Москве дважды посещал Л.М. Карахана, передавая требования своего правительства о выдаче Су Бинвэня как уголовного преступника. Для того, чтобы пресечь всяческие слухи о том, что Комацубара добился своего, в советских газетах на первых полосах были напечатаны опровержения под названием «Провокационные сообщения агентств “Симбун Ренго” и “Рейтер”», в которых, в частности, говорилось: «Токио. “Симбун ренго” сообщает из Цицикара, что советские власти 7 декабря передали япономанчжурским властям генерала Субинвэня и 40 других лидеров антиманчжурских войск. В числе переданных находится лицо называющее себя генералом Ма... В случае, если личность генерала Ма будет удостоверена, ему будет предъявлено обвинение в измене. “Рейтер” распространяет сообщения, что советские власти якобы выдали японским властям 4 тысячи китайских солдат во главе с Субинвэнем...»³⁰.

В ночь на 6 декабря 1932 г. японские войска заняли станцию Маньчжурия. После этого туда стали выезжать японцы из Мациевской. 7 декабря из Иркутска сообщили: «Находящейся на Мациевской япкомиссии по их просьбе разрешено выехать в г. Маньчжурию. Также просят разрешение на выезд в Маньчжурию вице-консул Новосибирска Оттани и корреспонденты Баба и Токай, не имеющие виз, коим предложено возбудить вопрос о разрешении по линии Наркоминдела»³¹. В циркуляре ОГПУ от 9 декабря 1932 г. говорилось: «6/XII... Сегодня прибыл в Маньчжурию Комацубара. Он просил сообщить его просьбу, ускорить разрешение вопроса об отправке в Маньчжурию оставшихся на Мациевской япбеженцев, каковой вопрос поставлен перед советским правительством вице-консулом Оттани через посольство»³². Согласно документам, полковник Комацубара еще некоторое время оставался на станции Маньчжурия, он вместе с японским генералом Хаттори посетил советского консула с выражением благодарности за посредничество в японо-китайских взаимоотношениях³³.

События, связанные с восстанием армии Су Бинвэня, сыграли определенную роль в становлении новой обстановки в регионе накануне Второй мировой войны. 12 декабря 1932 г. состоялся обмен нотами между народным комиссаром иностранных дел

СССР М.М. Литвиновым и главой делегации Китая на конференции по разоружению в Женеве Ян Хуйцином о восстановлении дипломатических отношений между СССР и Китаем. 13 декабря 1932 г. М.М. Литвинов сообщал в Москву: «Мацуока... поздравил меня и выразил удовлетворение по поводу восстановления отношений с Китаем, за которые мы должны якобы быть благодарны японцам, которые так напугали Китай, что ему ничего больше не оставалось, как вернуться к нам»³⁴. В это же время, 13 декабря 1932 г. японское правительство отклонило внесенное советским правительством еще в декабре 1931 г. предложение о заключении советско-японского пакта о ненападении.

Собственно же история миссии Комацубары показала, что даже в ситуации советско-японского военно-политического противостояния в двусторонних отношениях сохранялся определенный кредит доверия, обе стороны находили возможности для взаимодействия и сотрудничества.

1. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 62.
2. Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Серебренниковых. В 5 т. М., 2006. Т. I. С. 229.
3. Красноярский рабочий. 1932. 8 окт.
4. Документы внешней политики СССР. М., 1969. Т. 15. С. 581—582.
5. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 64.
6. Документы внешней политики СССР. М., 1969. Т. 15. С. 589.
7. Русско-китайские отношения в XX в. М., 2010. Т. 3. С. 117.
8. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1011. Л. 145.
9. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 73.
10. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 62.
11. Документы внешней политики СССР. М., 1969. Т. 15. С. 589.
12. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1011. Л. 145.
13. Красноярский рабочий. 1932. 18 нояб.
14. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 62.
15. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 35–36.
16. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 70.
17. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 40–42.
18. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 35.
19. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 47.
20. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 36–38.
21. Документы внешней политики СССР. М., 1969. Т. 15. С. 614–617.
22. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1011. Л. 146об.
23. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 60.
24. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 48.
25. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 55.
26. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 56.
27. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 54.
28. Красноярский рабочий. 1932. 12 дек.
29. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 53.
30. Красноярский рабочий. 1932. 14 дек.
31. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 52.
32. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 49.
33. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 198. Л. 50.
34. Документы внешней политики СССР. М., 1969. Т. 15. С. 682.